

М. Горький

**Между прочим (Мелочи,
наброски и т. д.)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Г71

Г71 **Горький М.**
Между прочим (Мелочи, наброски и т. д.) / М. Горький – М.: Книга по Требо-
ванию, 2021. – 46 с.

ISBN 978-5-4241-2680-2

Один из самых популярных авторов рубежа XIX и XX веков, прославив-
шийся изображением романтизированного деклассированного персонажа («
босняка»), автор произведений с революционной тенденцией, лично близкий
социал-демократам, находившийся в оппозиции царскому режиму, Горький
быстро получил мировую известность...

ISBN 978-5-4241-2680-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© М. Горький, 2021

Горький Максим
Между прочим (Мелочи,
наброски и т д)

М.Горький

Между прочим (Мелочи, наброски и т.д.)

[1]

Года два-три тому назад в "Северном вестнике", - журнале, где теперь засел и во всю мочь свищет малосенький Соловей-разбойник господин Вольнский, - была помещена статья В.Соловьёва - "Гроза с востока"

Это была хорошая статья, хотя в ней не было ровно ничего приятного для нас.

В ней очень доказательно говорилось о том, что со степей Гоби на Россию летит песок и понемножку сокращает у нас количество пахотной земли.

Что он ложится широкой полосой и на волжские степи и в землях Войска Донского и проникает даже до Киевской губернии. И что если мы своевременно не обратимся к лесным заградениям, так нас, пожалуй, и совсем засыплет.

Статья возбудила толки и вызвала возражения.

Толки и возражения целиком свелись к мудрым русским изречениям:

- Улита-то вдет, когда-то что будет!

И:

- Бог не выдаст, - свинья не съест.

Затем мы позабыли о "Грозе с востока".

Недавно мы сообщили о песчаных заносах в Новоузенском уезде, где засыпано 6035 десятин 1276 сажень, и о том, что новоузенское уездное земское собрание хочет просить министерство земледелия рассадить по песчаным заносам деревья...

Видите? Два-три года тому назад мы хотели заградить деревьями движение к нам песка - ныне уже просим рассадить их на песке.

Пришёл песок-то, значит. Присыпался - и уже мешает жить.

А мы всё ещё собираемся воевать с ним.

И мне думается, что, пока мы действительно соберёмся, засыплет нас песком, совсем, и с ушами засыплет.

И на том месте, где некогда жила-была страна, зовомая Россия, будет необозримая песчаная равнина - жёлтая, пустынная, знойная.

И будут по ней рыскать степные волки, тощие, с поджатыми хвостами и ликом схожие с самарскими горчишниками.

[2]

Вот вам маленький образец легкомысленных рассуждений по поводу одного из премудрых вопросов...

...Вечерами, когда, изнывая от тоски, я сижу в моей комнате и из всех щелей этой комнаты на меня смотрят тёмные глаза одиночества и меланхоличные тени летней ночи собираются за окнами и безмолвно заглядывают в стёкла их, невольно в душу мне закрадываются мысли на тему: "Не добро человеку быть единому" - и, минорно настроенный, я уйду в Струковский сад.

Там, по большой скотопрогонной аллее и по аллее, смежной с ней, густой и медленной волной течёт самарская жизнь; клубы пыли выются над ней, слышен запах цветов, тихий шелест листвы, что-то шепчущей закопчённому самарянами небу, слышен смех, слышен говор, и господин Мраз старательно производит большой музыкальный шум, исполняя творения европейских композиторов на зулусский лад.

Там я, холостой человек, Иегудиил Хламида, будущая жертва пенатов (родной дом, домашний очаг. У древних римлян боги - хранители и покровители домашнего очага, а затем и всего римского народа. Каждая семья имела обычно двух пенатов, их изображения помещались около очага - Ред.), сажусь в укромный уголок и из него рассматриваю прекрасных самарянок и прислушиваюсь к музыке речей их, и я смотрю на них с восхищением вплоть до той поры, пока не вспомню, что, быть может, скоро уж одна из них наречёт меня своим мужем, - и тогда предчувствие сей опасности охлаждает пыл моего восхищения.

Я смотрю на них, - а они дефилируют мимо меня все в бантиках, кантиках и прочих сантиментиках, в аромате духов и в пыли и щебечут, как те грациозные серые птички, которых в деревнях несправедливо и немзыкально именуют "трясогузками".

Я смотрю на них и распределяю их на две основные категории: барышни полненькие и барышни худенькие; я знаю, что полненькие барышни - пустенькие, а худенькие - полны бактериями нервных и иных болезней, полны истерических капризов, и хотя всё это пока ещё в потенции, но я знаю, всё это будет актуально через неделю после свадьбы.

Я смотрю на них и думаю: "Вот существа, большинство которых со временем превратится в женщин и матерей, войдёт в активную жизнь и будет воспитывать из детей своих мужей, твёрдых духом, и граждан - благородных, бескорыстных слуг отечеству".

И я смотрю на модно причёсанные головки барышень полненьких, смотрю и думаю - где именно в их чертах помещена природой та частица мозга, которая должна выработать ясное представление о гражданских обязанностях матери и представление о том, какие именно люди нужны отечеству, и о том, что такое отечество.

И я сомневаюсь в том, что полненькие барышни имеют под причёсками какое-либо иное представление об отечестве, кроме того, которое во время 'оно извлечено ими в пот лица из тощих учебников по истории и географии, и я никак не могу представить себе, что полненькие барышни способны сознательно заглядывать в будущее и точно представлять себе те задачи и ответственность, которые ждут их впереди.

И я испытую взглядом направление мысли у барышень худеньких, отчаянно стреляющих глазами семо и овамо, я смотрю на них и вижу: свирепо перетянувшиеся корсетами, воспитанные как бы только на фиалках и лунном свете, анемичны и тощи они, и мне думается, что, когда у них будет по паре детей, к тому времени они приобретут по дюжине болезней тела и души...

И глухая скорбь сосёт мне сердце, ибо я не вижу в барышнях - будущих матерей, достойных этого имени.

...И тогда много тревожных и мрачных дум возникает в уме моём.

С какими душевными ресурсами и с каким моральным фондом примутся эти барышни за построение семьи, которая должна быть школой, имеющей воспитать в их будущих детях любовь к родине, стремление к подвигу во имя её, благородство духа, понятие о чести и о справедливости и многое другое, что в конце концов человеку всё-таки необходимо воспитать в себе, дабы тем оправдать узурпаторски присвоенное им право на звание высшего животного.

Есть ли у них представление о важной ответственности, которая ждёт их,

матерей, в будущем, понимают ли они, что им придётся созидать будущего человека, имеют ли они представление о том, что нужно делать для того, чтоб дети не были точными копиями своих слабосильных и нежизнеспособных родителей, людей, устроивших себе такую бесцветную, скучную и нищую духом жизнь, как жизнь современная?

Что, наконец, кроме тела, принесут они мужу, чем, кроме поцелуев и объятий, могут облегчить его жизнь, что новое и не изведенное им внесут они с собой в сферу его духовной жизни, - если предположить, что у современного мужчины стремление к духовной жизни есть, а не иссякло уже под гнётом будничном жизни и её омертвляющих душу мелочей?

Что может принести с собой современная женщина современному мужчине, вступая с ним в союз?

...Я поднял вопросы старые, избитые в пыль, размолотые жерновами русского красноречия, - но всё-таки не разрешённые по существу.

"Жизнь есть труд", - говорит Тургенев; это "глупо, как факт", - говорит Бальзак, но это факт - жизнь есть труд.

Она требует серьёзного отношения к себе, и всякое легкомыслие терпимо ею только до времени, но время придёт и принесёт с собой жестокое наказание тем, которые относились к жизни невнимательно или легко, холодно или недостаточно активно... она поставит в счёт каждый ваш ложный и неосмотрительный шаг, и когда вы будете подводить итоги ей, в конечном может получиться роковой и ядовитый вопрос - зачем мы жили?

Мы живём в странное время оскудения энергии, в равнодушные, скептически тусклые дни, и на нашей обязанности лежит исправить это, расцветить жизнь желаниями, оживить её поступками, облагородить мыслью и всячески сделать её более разумной, живой и разнообразной; мы ничего не делаем в этом направлении, прикрываясь от укоров совести, как щитом, нашим ампула маленьких, шаблонных, дюжинных людей.

О женщины, что сделать вы б могли

Для родины, когда бы вы хотели!

- вздыхает Леопарди в одном из своих жгучих и мрачных сонетов и через несколько строк с тоской спрашивает от лица мужчин:

Но что вы в нас будили в наши дни?

А дальше спрашивает себя:

... Кто виноват в беде земли родной?

Скажите мне, о женщины, не вы ли?

Он был итальянец, этот Джакомо Леопарди, и его стихотворение адресовано итальянкам...

Я считаю нужным заявить об этом для того, чтобы облегчить русским женщинам возможность не признавать за его вопросами ни смысла, ни значения, чем они, наверное, и воспользуются.

[3]

Ампула фельетониста - очень нелёгкое ампула, скажу я вам.

Садись за стол и берёшь перо в руку с намерением отметить движение общественной жизни, совершившееся за истёкший день.

Оказывается, что жизнь за истёкший день, как и за все ранее его истёкшие дни года, никуда не подвинулась.

То есть в ней есть движение, но это только потому, что она разлагается...

Видишь это и думаешь:

"Весьма печально, но вполне естественно".

Переходишь к проявлениям обывателями своих чувств и своей морали.

На этом пути - лежит красный камень преткновения, а вокруг него произрастают разные другие колючие тернии.

Дойти сквозь них до публики ясным и точным фельетонисту удаётся редко, и большинство обывателей хотя и ведёт [себя] зазорно и достойно осмеяния, но...

И даже "но" не только с запятой, а и со знаком восклицания - "но!".

Приходится искать "линии наименьшего сопротивления" своему желанию сказать правду, и таковые находишь в лице людей, которым решительно всё равно, обличают их в газете или нет.

Ибо они грамоты не знают и по сей причине газет не читают, в чём им - в скобках говоря - нельзя не позавидовать...

Сегодня, например, у меня нет иной темы, кроме оскорбления городского весёлой и буйной женщиной Большаковой и господином Б.

Но и на эту тему я не могу ничего сказать, ибо не знаю, как именно сии субъекты оскорбили городского.

Я могу сказать одно: оскорблять городского - о, госпожа Большакова и господин Б. - очень нехорошо, ибо городской тоже человек.

Могу сказать о предупредительном жулике, который, украв часы 20 августа, заявил хозяйке часов, что он придёт к ней ещё воровать уже только 6 сентября, и никак не раньше.

Раньше ему некогда.

Могу написать мораль и для жулика.

О, жулик! Ты глуп. Так, как ворует ты, никто не ворует. Никогда, жулик, не надо предупреждать о дне, в который ты будешь красть, того, у кого ты будешь красть. Это не принято.

Но, милостивые государи и государыни, я знаю, что всё это скучно и что есть люди и жулики, более нуждающиеся в морали и обличении, чем те, которые приведены мною выше.

Я знаю, что есть очень много людей, коих необходимо ежедневно публично и печатно сечь, - но!..

"Но", милостивые государи! И его никак не обойдёшь.

В моменты решительное чувство самосохранения и трусов перерождает в бесшабашных храбрецов.

Это доказано ещё раз самарскими обывателями, проявившими способность к коллективизму после того, как [их] обгрызли собаки.

Опасаясь, что самарские собаки пожрут самарских жителей, последние обратились к полиции, прося у неё защиты от собак.

И не просто обратились, а обратились коллективно.

Пришли и сказали:

- Заступитесь за нас у собак. Уже близко время, когда они перегрызут всех нас. Пожалуйста, заступитесь. А ежели не сделаете этого, то мы сами станем стрелять по собакам из огнестрельного оружия!

Вон оно куда пошло!

Смотрите-ка, сколько в этой речи храбрости и смелости.
Даже есть некоторый намёк как бы на сознание обывателем своих прав.
И всё это, я уверен, плоды коллективизма, который вызван к жизни собаками.

[4]

Если вы на улице встретите интенсивно чумазого мальчика с кипой печатной или чистой бумаги в его руках или на его голове, вы можете безошибочно сказать:

- Вот идёт мальчик из типографии!

Мальчик из типографии - совсем особенный мальчик.

Во-первых, он желтоватого цвета - потому что отравлен свинцовой пылью.

Во-вторых, он очень сонного вида - потому что много работает и мало спит.

В-третьих, у него непременно где-нибудь на физиономии, на руке, на шее есть болячка, - это его задело машиной и рану растравил свинец...

Жизнь мальчика из типографии вдвое тяжелее жизни всякого иного мастерского мальчика, ибо он имеет дело со свинцом.

А свинец очень тяжёлый металл, как известно.

Но я не решусь сказать, что тяжелее - свинец или рука типографщика Грана?

Я видел щёку мальчика, на которую упала рука господина Грана.

Щека этого мальчика из типографии господина Грана свидетельствовала, что у господина типографщика претяжёлая длань.

Щека была и синяя, и багровая, и разбита в кровь, - и всё это только с одного удара, как объяснил мальчик.

Господин Гран положительно хорошо дерётся...

Жаль только, что для опытов бокса он избирает щёки своих мальчиков, а не свои собственные щёки.

Я бы рекомендовал господину Грану последнее - это более безопасно.

А то мальчики, которых он так усердно лупит по щекам, недовольны таким обращением с ними и могут причинить господину Грану некоторое беспокойство, попросив его к судье для того, чтобы последний объяснил ему, что мальчики, которых бьют по щекам, не могут не чувствовать от этого боли.

Лучше бы господину Грану упражняться в боксе на своих собственных щеках.

Поставить против своей фигуры зеркало и колотить себя, глядя на своё отражение.

А в случае, если господин Гран утомился бы от такого занятия, можно рекомендовать ему пригласить дворника.

Давши сему последнему на чай, - можно получить от него весьма поучительный урок бокса.

Но необходимо дать на чай, ибо дворник, как бы он ни был груб, не станет бить человека даром.

Я могу рассказать, при каких обстоятельствах господин Гран расколотил щёку своего мальчика.

Суть дела в щётке и в кухарке.

Прежде всего щётка.

Есть щётка для кухни и щётка для типографии.

Щёткой из кухни строго воспрещается мести пол типографии и наоборот.

Затем есть кухарка.

Здесь во сто тысяч первый раз подтверждается справедливость французской поговорки:

"Cherchez la femme" (ищите женщину - Ред.)

Кухарка берёт щётку типографии и хочет мести ею пол кухни.

Мальчик из типографии видит в этом явное нарушение распоряжений хозяина, возмущается непочтением к ним со стороны кухарки и щётку ей не даёт.

- Не приказано! У тебя есть своя щётка!

А кухарка идёт к господину Грану и...

Я не знаю уж, что у них там было.

Но только господин Гран выскочил в типографию, наскочил на мальчика и залепил ему полновесную оплеуху.

От этого щека мальчика страшно вспухла.

Вот и вся история.

[5]

В четверг, на гулянье общества книгопечатников в Струковском саду, было не особенно много "настоящей публики", но зато в нём присутствовало много оригинальных, шумных и весёлых, чумазных и оборванных маленьких людей, придававших устроенному симпатичным обществом вечеру милейший, задушевный характер.

Это были мальчики из типографий, воспитанники печатного станка, незаметные труженики слова, весёлые искры которых со временем, может быть, разгорятся в большие огни...

"Настоящая публика" не понимала значения чумазных мальчиков и их права на веселье, и часто субъекты из "настоящей публики" покрикивали на мальчиков:

- Ты! Вы, пострелята!

Но пострелят это не смущало, и они задорно, как ерши в садке, снуют между "настоящей публикой".

Играл оркестр господина Моттл, и мальчики кричали ему "браво" и хлопали в ладоши, похваливая маленького барабанщика и солиста на корнет-а-пистоне за то, что оба они так "ловко задувают".

Пиротехник Буров угостил мальчиков фейерверком и удостоился их благосклонного одобрения, чего едва ли дождутся от них те, что заставляют их работать над набором фейерверков слов и фраз.

Затем мальчикам показывали те орудия, которые их истязуют, и машины, сокращающие век мальчиков и здоровье их.

Показывали верстатку и наборную кассу, линейки и рамы и всё другое, с чем ежедневно имеют дело чумазые мальчики.

Они стояли густой толпой перед экраном и кричали, видя всё это:

- Знаем!

Потом им показали Гутенберга.

Мальчики встретили его изображением молча, хотя им сказали, что это именно он изобрёл печатный станок.

Но пока печатный станок ещё только усложнил жизнь мальчиков и не дал им почти ничего хорошего, - они молчали.

Вслед за Гутенбергом они увидели Фонвизина в мундире и с нахмуренными бровями.

Его тоже встретили молча, и только один мальчик заметил:

- Полицейский будто.

Шекспир, гладко причёсанный, с красным носом и с румяными щеками, не произвёл никакого впечатления на мальчиков, но "настоящая публика" заявила, что знакома с ним.

- Это Камознс! - предупредительно сообщил кавалер в пенснэ даме в богатой тальме (плащ-накидка без рукавов. По имени французского актёра Ф.Тальмы, который изобрёл много предметов одежды, названных его именем Ред.)

- Ах, какой здоровый! - сказала дама.

- Это английский генерал Шекспир, победивший Наполеона! - рассказывал человек типа отставных военных, стоявший сзади меня, своему товарищу юноше.

- А говорят, это писатель? - зевая, спросил юноша.

- Врут! - отрезал его собеседник.

За Шекспиром вскоре появился бедняга ТрEDIAKовский, и на экране вызвавший смех над собой.

Григорович с лицом дипломата появился и исчез, не возбудив никаких толков в публике, кроме чьего-то замечания: "Скобелев в штатском платье".

- Гоголь!

- Знаем! - раздались два-три звонких голоса, прозвучавшие самодовольно и весело.

И мне стало весело...

А трое из "настоящей публики" расхохотались над Гоголем, находя, что у него смешной нос и допотопный костюм.

Впрочем, какая-то барышня нашла его "очень миленьким".

- Писатель Тургенев!

- Знаем! - врассыпную вскричало несколько детских голосов.

С экрана смотрело не публику и мальчиков умное и доброе старческое лицо с задумчивыми глазами, - смотрела и публика на него.

Смотрела и молчала.

Что она могла бы сказать?

И старый поэт, дрогнув, исчез.

И за всеми этими людьми на экране появилось изображение человека, которого я не знаю.

Я несколько испугался, увидав этот портрет.

Он напомнил мне издателя одной газеты, именуемой "Волгарь" и представляющей из себя водянистый волдырь на физиономии поволжской прессы.

Оказалось, что это пиротехник Буров, "мастер фейерверков".

Тут я понял, почему мой знакомый издатель похож на пиротехника, - он чисто пишет в своей газете передовые статьи.

Мальчики смеялись над господином Буровым, видя его рядом с Нестором, Гутенбергом, Шекспиром и другими великими мира сего.

Мальчики были довольны вечером.

Общество книгопечатников, устроив своё гулянье, поступило прекрасно уже по одному тому, что сумело развлечь чумазых крошек - слуг печатного станка.

Я выражаю скромную надежду, что это симпатичное общество и впредь не обойдёт своим вниманием и заботой тружеников-детей.

Общество могло бы, например, показать мальчикам посредством туманных картин и объяснительных чтений, что сделало для человечества печатное слово, которому они служат пока механически и, может быть, будут служить - кто знает как?!

И затем от души желаю обществу всякого преуспевания, а его членам солидарности, уважения друг к другу, солидарности, ясного понимания преследуемых целей и точного представления о путях к достижению их...

И снова и ещё - солидарности.

[6]

...Центром общего внимания ярмарочной публики служат балаганы, вполне удовлетворяющие вкусы, о необходимости развития которых так много говорят...

Пред одним из балаганов ошалелый от водки, которой он "греется", и охрипший от зазывания зрителей к себе в "миниатюрный цирк" субъект, в красном трико, засовывает себе в разинутую пасть голову удава, обвивающего ему шею, и благим матом орёт:

- Видите?! Смотрите!

Змея, окоченевшая от холода, еле движется на его плечах...

- Это что! - скептически говорит парень, с ног до головы выпачканный в муке. - Нет, кабы к твоей-то шее наш Иван Митрич присосался - ты бы узнал, каков он есть, настоящий-то удав...

- Н-да! - вторит ему товарищ...

- Тот поживее ворочается... Тот не токмо что свою голову в чужой рот совать, - он сам живьём людей глотает...

И, довольные своей аналогией, зрители отходят...

[7]

Учебный сезон начался, а около трёхсот мальчиков остались с желанием учиться, но, по недостатку места в городских школах, должны получить домашнее воспитание.

Поздравляю Самару - она в скором времени будет иметь ещё целую роту горчишников. Совершенно свежих, ещё не бывших в "делах" полиции и не совершавших разных диких "актов" - роту молодых паренёков, обалделых от скуки и пустоты жизни и развлекающихся творением диких выходов против мирных обывателей.

Обыватели будут жаловаться и негодовать, новоиспечённые буяны и озорники не будут обращать на обывательские вопли никакого внимания, а мудрые люди, основываясь на подвигах горчишников, - будут трактовать о порче нравов и о том, что в доброе старое время буянов и озорников "драли" и "лупили", - отчего и нравы были строже и жилось проще и так далее, и прочее, и тому подобное.

Полиции, которой у нас мало, будет ещё больше дела.

Придёт время, и в городской думе появятся доклады и проекты лучших и удобнейших средств искоренения горчишников...

Сей гласный предложит переловить их и сослать на пожизненное проживание куда-нибудь в дикие страны.